

⁶ ПСЗ I. Т. 30. № 23911.

⁷ ПСЗ I. Т. 31. № 15379.

⁸ ПСЗ I. Т. 30. № 23911. (Нового закона по этому поводу принято не было, а ранее принятый учел распоряжение о создании отдельного Иностранного отделения).

⁹ ПСЗ I. Т. 21. № 24931.

¹⁰ ПСЗ II. Т. 13. № 11869.

¹¹ ПСЗ II. Т. 18. № 17018.

¹² Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1871. № 8.

¹³ ПСЗ II. Т. 18. № 17018.

Т. М. Китанина

НА ПОДХОДЕ К РАБОЧЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ И БУРЖУАЗНАЯ «КОНЦЕПЦИИ» РАБОЧЕГО ВОПРОСА 30–50-х гг. XIX в.

Среди проблем, связанных с изучением экономического, социального и правового положения рабочих России в завершающий период генезиса капитализма и неизменно вызывающих интерес отечественных исследователей, остается малоизученным сложный вопрос о взаимоотношениях предпринимателя и рабочего как субъектов капитализировавшегося производства. Одна из основных причин — слабое отражение этих взаимоотношений в государственном законодательстве предреформенных десятилетий.

Вероятно, ни одна эпоха исторического развития России не знала столь впечатляющей пестроты социальных категорий рабочих, как период глубокого кризиса системы феодально-крепостнических отношений.

Поступательный ход развития промышленности требовал все новых трудовых «вложений». Отвечая этим требованиям, на протяжении многих десятилетий высшая власть оказывала решающее влияние на формирование рабочей силы насильственным методом, методом внеэкономического принуждения за счет зависимых категорий населения — рекрутов, приписных и пожалованных заводчикам в собственность крестьян, солдат и солдатских детей-кантонистов, за счет беглых и деклассированных элементов (нищих, бродяг). Привлечение беглых и бродяг к принудительному труду осуществлялось на основании юридических актов, принятых еще в XVIII в. и аналогичных соответствовавшему законодательству стран Западной Европы (указы 1744 г., 1754 г. и другие российские правительственные постановления). Следует принять во внимание, что некоторые законодательные ограничения, вступавшие в силу в разное время и касавшиеся прав предпринимателей на рабочую силу, носили незавершенный характер и принципиально не ущемляли привилегий заводчиков.¹

Методы формирования промышленных рабочих определяли качественные характеристики этой категории рабочей силы:

во-первых, наличие в стране огромного отряда зависимых работников, занятых преимущественно в крупном казенном производстве;

во-вторых, нивелировку состава рабочих промышленных предприятий с точки зрения социального происхождения — 90% крестьяне;

в-третьих, интенсивный процесс раскрепощения, т. е. принудительный отрыв от земли массы сельских производителей. В процессе формирования рабочих кадров особенно проявилась регулирующая роль государства как активной экономической силы.

Принудительное обезземеливание значительного отряда государственных крестьян, пролетаризация, насильственная экспроприация и прикрепление к предприятиям неизбежно оказывали влияние как на процесс формирования разных категорий рабочей силы, так и на темпы их развития. Возмещение недостатка рабочих рук капитализирующегося производства крепостническими методами с целью создания рабочих отрядов свидетельствовало о противоречивом характере промышленного развития, о стремлении государства в новых экономических условиях сохранить устои крепостнических отношений. Это ярче всего проявилось в государственном секторе производства, где преимущественное использование зависимого труда определялось прямой связью с общим направлением правительственной промышленной политики и объективными условиями, прежде всего доступностью и дешевизной рабочих рук.

Частновладельческая промышленность, все тверже завоевывая позиции, в основном ориентировалась на приток крестьянства по вольному найму, используя избыток сельскохозяйственной рабочей силы как результат аграрного перенаселения.

Отходничество, «огорожанивание» крестьянина на срок его отхода в город играло важную роль в обеспечении частного сектора производства вольнонаемной рабочей силой и в конечном счете способствовало более быстрому, чем в государственном секторе промышленности, развитию капиталистического производства. Вместе с тем временная личная свобода крестьянина-отходника, его городской быт содействовали пробуждению инициативы и предприимчивости, влияли на изменение крестьянской психологии в сторону большей самостоятельности и ответственности.²

Развитие капиталистических элементов в экономике и заинтересованность предпринимателей в техническом усовершенствовании производства создавали условия для применения квалифицированной рабочей силы, усиливали потребность в использовании подготовленных рабочих кадров, обладавших навыками не только элементарной грамотности (большинство ею не владело в силу самих условий существования), но и высокого профессионализма. Создавая условия для обучения рабочих, предприниматели могли рассчитывать на положительный отклик со стороны занятых в производстве, ибо для рабочих начала XIX в. квалифицированное мастерство оставалось единственным средством утверждения своего профессионального достоинства и официального повышения в должности.

Отчетливо проявившееся в дореформенный период несоответствие экономических условий труда значению рабочих в производстве, их трудовому вкладу (нередко технической подготовленности и профессиональному мастерству) усиливало общую неудовлетворенность рабочих. В сочетании с социальными бедствиями, неизменно сопровождавшими весь длительный и сложный период формирования рабочего сословия в России, это несоответствие отложило глубокий отпечаток на развитие общественного самосознания, на содержание и формы выступлений различных категорий промышленных рабочих, складывавшихся под влиянием противоречивого характера переходной эпохи и эволюционировавших в условиях усиления этих противоречий.

Вытекавшее из совокупности многих факторов экономическое положение промышленных рабочих России в период кризиса феодально-крепостнической системы

свидетельствовало о резком несоответствии уровня эксплуатации рабочей силы возмещению ее стоимости, чрезмерных затрат труда — его материальному вознаграждению, отвечавшему необходимым условиям самого существования рабочего и его занятости в производстве.

Пестрота форм промышленных предприятий, многослойность занятых в них социальных групп трудового населения влекли за собой неоднородность форм рабочего движения в рамках единого общедемократического потока со сложным переплетением и слиянием усиливавшихся антифеодальных выступлений и первых стачек. Движение это, возросшее накануне отмены крепостного права, обуславливалось рядом экономических и социальных причин. И одна из таких причин заключалась в почти полном отсутствии в России в первые десятилетия XIX в. (в отличие от западноевропейских стран) трудового законодательства.

Как же регулировалась производственная жизнь на предприятиях российской промышленности в первой половине XIX в.?

Сложная структура национальной экономики предреформенного периода обусловила разнообразие условий труда на промышленных предприятиях, унифицированных в известной степени лишь в пределах отдельных групп заводов, объединенных не столько по отраслевому признаку, сколько по принадлежности тому или иному ведомству или владельцу. В этом отношении государственный сектор промышленности подвергался более строгому контролю, хотя и здесь установление ряда правил, регулировавших производственный режим, было передано в компетенцию заводской администрации.

Условия труда рабочих на казенных заводах с конца XVIII в. регламентировались сводом особых правил — «Положениями», подготовленными специально для предприятий соответствующими министерствами и ведомствами. В этих документах фиксировались характер производимых работ, продолжительность рабочего дня, размер провианта, сумма вознаграждения в праздничные дни, а подчас и заработная плата (ее минимальный уровень) занятых в производстве работников. Вместе с тем «Положения» для казенных заводов определяли режим производства, следовательно, дисциплину труда, которая на предприятиях государственного сектора отличалась чрезвычайной строгостью.

Суровая регламентация особенно отражалась на положении рабочих военизированных предприятий. Мастерские военных заводов в правах и обязанностях были приравнены к нижним воинским чинам и находились под строжайшим дисциплинарным надзором, осуществляемым офицерским составом, специальными чиновниками (надзирателями благочиния и др.) и отчасти вольнонаемными мастерами.

Жесткий механизм режима труда, еще более усиленный дисциплинарной строгостью вне стен промышленного предприятия, был вызван стремлением заводской администрации интенсифицировать производительность труда в условиях сохранения крепостнических отношений, вывести промышленность государственного сектора на новую ступень технического развития. Но полуфеодальные формы эксплуатации не достигали поставленных целей уже в силу того, что насильственные методы и низкий уровень материального вознаграждения резко снижали заинтересованность рабочих в повышении эффективности труда.

Не менее строгими были режимные ограничения на предприятиях Удельного ведомства. Законом здесь являлось беспрекословное подчинение распоряжениям

администрации. Всякие нарушения дисциплины немедленно пресекались, а виновные подвергались суровым наказаниям. Среди мер дисциплинарного и материального воздействия наиболее распространенными были понижение в категории и окладе, перевод на удаленные смежные предприятия. Но нередко применялись и суровые административные меры, в том числе отдача в рекруты и ссылка в Сибирь. Разного рода ограничения в сочетании с социальной зависимостью, правовой неполноценностью подавляли в рабочем личность, снижали трудовую инициативу.

По отношению к владельцам possessions предприятий государственная власть применяла минимум регулирующих актов. По существу эти акты означали лишь отдельные шаги по пресечению грубых злоупотреблений со стороны владельцев, в том числе и запрещение использования рабочих в личном услужении, эксплуатации вне заводских условий (по законодательству possessions рабочие принадлежали предприятию, а не его владельцу).

На фоне строгой правительственной регламентации производственных отношений в государственном секторе промышленности административная самостоятельность частновладельческого сектора проявлялась особенно отчетливо. Условия труда рабочих на частных заводах определялись исключительно их владельцами, что влекло за собой разнородность в определении правил, регулировавших труд и быт наемных рабочих. В большинстве случаев мелочная регламентация условий труда и повседневной жизни порой сопровождалась круглосуточным надзором за поведением рабочих (посменное дежурство часовых и специально назначаемых чиновников). Все это сковывало и ограничивало свободу рабочего, унижало его достоинство и усиливало внеэкономическую зависимость от владельца предприятия. Особенно ощутимо это было на вотчинных мануфактурах, где господствовал полный произвол в отношениях труда и капитала, где взаимоотношения работника и владельца фактически строились по принципу зависимости крепостного от помещика.

Производственные режимы на владельческих предприятиях промышленных центров свидетельствовали о том, что попытки регулирования отношений труда и капитала, предпринимаемые время от времени правительством, не достигали желаемых результатов. К числу таких попыток следует отнести усилия правительства по реализации «Предписания» 1835 г., обязавшего заключать письменные договоры между работодателем и рабочим (или вводить систему расчетных листов с указанием срока найма и перечня его условий).³ Практической силы правительственное распоряжение почти не имело, оно по-прежнему оставляло место устным соглашениям, чему способствовал и низкий уровень грамотности рабочих.

Отставала Россия от западноевропейских стран и в регулировании эксплуатации детского труда. Известно, что в 1802 г. в Англии был издан один из первых в Европе законов, ограничивавший применение детского труда в отдельных отраслях, прежде всего в текстильной промышленности (рабочий день детей сокращался до 12 часов). В развитие трудового законодательства о несовершеннолетних британское правительство утвердило указы 1819 и 1833 гг., первый из которых запрещал ночную работу детям, не достигшим 9-летнего возраста, тогда как второй указ устанавливал 8-часовой рабочий день для 9–13-летних подростков. В 1840–1850-х гг. подобные законы регулировали (с некоторыми вариациями) труд подростков в Германии, Австрии, Франции и других странах.

В России же законодательные нормы использования детского труда были введены в практику по существу лишь в начале 80-х гг. XIX в. — указ 1882 г. К этому времени использование труда малолетних (до 12–14 лет) на промышленных предприятиях во многих западноевропейских государствах было уже законодательно запрещено (по указу 1848 г. в Германии запрещался труд детей до 14 лет, согласно указу 1874 г. в Англии — до 12 лет и т. д.). Любопытно, что в соответствии с законодательством ряда европейских стран рабочее время подростков, занятых фабричным трудом, дифференцировалось в зависимости не только от отрасли производства, но и от степени их общеобразовательной подготовки. Для знавших грамоту детей во Франции, к примеру, продолжительность рабочего дня существенно продлевалась. Показательно также, что при разработке законопроектов учитывались материальные обстоятельства продажи детской рабочей силы, отчасти и пределы физиологических нагрузок (но не социальное положение подростка в обществе).⁴

В России подобные вопросы даже не обсуждались. Еще в 1840 г. к русскому правительству обратился британский посол с официальным запросом по поводу причин отсутствия в России законодательства о детском труде. Ответ был однозначен: необходимость в регулировании подобного рода отсутствует ввиду все еще недостаточного развития фабричного производства, а следовательно, и слабого использования труда подростков.⁵

7 августа 1845 г. с санкции Комитета министров было принято «Положение», запрещавшее ночную работу детей, не достигших 12-летнего возраста.⁶ Основные положения российского указа о малолетних перекликались по содержанию со статьями западноевропейского законодательства. Однако применения на практике утвержденный правительством законодательный акт не нашел, поскольку отказ от детского труда был не в интересах фабрикантов, а инспектирующего или наблюдательного органа создано не было.

Незадолго до отмены крепостного права, в 1859 г., при Министерстве финансов была учреждена Комиссия для пересмотра фабричного и ремесленного уставов. Комиссия сочла необходимым «поставить ограничительные правила как относительно возраста детей, так относительно времени и часов их работы». В представленном Комиссией проекте устава о промышленности содержалось несколько пунктов, регулировавших детский труд. Проект запрещал работу детей, не достигших 12 лет, ночной труд подростков до 18-летнего возраста и ограничивал двенадцатью часами продолжительность рабочего дня для подростков до 18 лет.⁷ В случае осуществления этого проекта положение детей на промышленных предприятиях могло значительно измениться.

Проект был передан на рассмотрение Мануфактурного совета, где долго и основательно обсуждался. Согласившись в принципе с необходимостью ограничения продолжительности рабочего дня, Мануфактурный совет отверг все прочие положения законопроекта, в том числе и безусловный запрет ночной работы детей.

Материалы Комиссии для пересмотра фабричного и ремесленного уставов перекликались с решениями созданной в том же 1859 г. при петербургском генерал-губернаторе Комиссии для осмотра фабрик и заводов в Петербурге и Петербургском уезде под председательством А. Ф. Штакельберга. И этой комиссией были высказаны рекомендации относительно ограничений использования детского труда в промышленном производстве, рекомендации, не нашедшие отклика ни в высоких официальных кругах, ни в среде

предпринимателей.⁸ Таков был финал правительственных начинаний, так и не получивших в предреформенные годы силу закона.

Но при всем том поступательный ход промышленного развития России заставлял правительство вновь и вновь возвращаться к проблеме трудоустройства рабочих. И в правящих кругах, и в предпринимательской среде все более возрастал интерес к функциональному значению рабочего в производстве. Далеко не случайно еще в период промышленного подъема 1830–1840-х гг. наблюдалось заметное оживление споров вокруг проблемы рабочих кадров, пока не выходявших по сути дела из русла ведомственных разногласий, но уже отражавших столкновение различных социальных групп, связанных с промышленным производством. Об этом свидетельствовали разного рода официальные документы, в том числе ведомственная переписка с администрацией и владельцами заводов и фабрик, содержащая сведения о положении рабочих. В официальных кругах того времени представления о статусе рабочего ограничивались признанием его роли в качестве примитивного исполнителя и необходимого атрибута самого промышленного производства.

Обратимся к свидетельству влиятельного представителя официальной точки зрения на рабочий вопрос министра финансов николаевской эпохи Е. Ф. Канкрин. В представленной им правительству записке «О распространении мануфактурной промышленности в разных городах», датированной ноябрем 1834 г. и косвенно связанной с предпринятой им попыткой государственного регулирования размещения промышленности и рассредоточения предприятий по уездным городам России, нашли отражение взгляды министра финансов на положение рабочих и их социальное предназначение в развивавшемся производстве.

Сравнивая положение рабочих на промышленных предприятиях России и ряда государств Западной Европы и развивая мысль о необеспеченности «класса» европейских фабричных пролетариев ввиду непредсказуемости поведения владельцев, сохранения постоянной угрозы увольнения или снижения заработка, Е. Ф. Канкрин противопоставляет западноевропейского рабочего российскому, отдавая дань силе влияния на фабричный труд патриархальных отношений, прежде всего связи с деревней. «У нас, — поясняет он, — положение дела в сем отношении есть совсем другое, ибо работники на городских фабриках почти исключительно состоят из приходящих крестьян, кои, имея у себя дома хлебопашество, хотя бы и ограниченное, находятся в гораздо лучшем положении, потому что... при остановке в работах возвращаются домой, не оставаясь вовсе без пропитания».⁹

По мнению министра финансов, причины особой остроты социального протеста западноевропейских рабочих кроются в лишении их минимальных средств к существованию вне границ фабричного производства, которое в свою очередь не дает им гарантий ни постоянной занятости, ни экономического обеспечения. Следовательно, согласно его представлениям, реальные возможности роста производства в городах Западной Европы постоянно таят в себе опасность социальной неустойчивости. В России же, напротив, «умножение... фабрик гораздо выгоднее и безопаснее, нежели в других государствах», ибо владельцы предприятий «привязаны везде к существующему порядку», тогда как сами рабочие «не составляют опасного целого».¹⁰

В этом весьма характерном высказывании Е. Ф. Канкрин как бы сфокусированы взгляды на рабочий вопрос, отдана дань надеждам на известную нейтральность буржуазии

в рабочей политике, на возможность социального мира в системе производственных отношений. Иллюзорность подобных представлений может быть объяснена прочно укоренившимися в общественных кругах представлениями «о благонамеренности» рабочего по отношению к верховной власти и убеждением в отсутствии более или менее сформировавшейся социальной структуры рабочего сословия.

Лишь с течением времени под влиянием растущего самосознания рабочих, активизации их участия в общественном движении в качестве самостоятельной социальной силы происходит, наконец, разрушение традиционных представлений. На смену им приходит осознание необходимости юридического вмешательства государственной власти в отношения труда и капитала, стремление сгладить крайние проявления беззакония. Но при этом речь идет отнюдь не о твердых законодательных гарантиях, а лишь о принятии отдельных правовых актов, не столько регулировавших нарушения юридических норм, сколько ослаблявших поправки элементарных нравственных устоев. И фактически до начала 80-х гг. XIX в. (до рабочего законодательства министра финансов Н. Х. Бунге)¹¹ обозначившийся еще до реформы 1861 г. правительственный курс в рабочем вопросе никаких существенных изменений не претерпел.

Буржуазная «концепция» законодательного оформления рабочего вопроса сложилась позднее, в 1860-х гг., что определялось самим положением частновладельческого сектора промышленности в условиях генезиса капитализма.

Поскольку в России, как и во всех странах позднего развития капиталистических отношений, при недостатке накопления капиталов и известной слабости частного предпринимательства роль государственных институтов была чрезвычайно велика, все экономические преимущества оказались на стороне государственного сектора производства. Насаждая промышленность «сверху», с помощью особых экономических методов, т. е. по сути дела принимая на себя ряд функций третьего сословия (учредительные, финансовые и проч.), государство осуществляло избирательную социальную политику.

Разного рода льготы представлялись дворянской вотчинной мануфактуре и смешанным дворянско-купеческим предприятиям. Что касается чисто купеческой и тем более крестьянской промышленности, то она была лишена финансовой и прочих видов государственной поддержки. Однако именно купеческое и крестьянское предпринимательство со временем заняло ведущее место в формировании частновладельческого сектора промышленности (сектора «автономного развития», по терминологии американских исследователей),¹² становление которого быстрыми темпами наблюдалось уже в пореформенное время. Реальное положение русской буржуазии в условиях развивавшегося капитализма не могло не сказаться на замедлении темпов формирования буржуазного самосознания и буржуазного права.

Законодательно лишенная государственной поддержки, располагавшая в целом сравнительно скромными капиталами купеческая и особенно крестьянская промышленность встречали многие трудности на пути освоения производства, что отразилось и на отношении к занятым рабочим, определив методы и степень эксплуатации как вольнонаемного труда (крестьяне-отходники), так и (в меньшей мере) труда подневольного (приписные крестьяне). Да и сам характер использования рабочей силы юридически зависимых категорий населения со всеми вытекавшими отсюда ограничениями препятствовал выработке определенной, более или менее оформившейся системы трудовых отношений.

Известный стимул к использованию вольнонаемного труда был дан еще указом от 8 августа 1762 г., разрешившим свободный наем (по паспортам) рабочей силы купечеству и разночинцам. В начале XIX в. рядом соответствующих правительственных распоряжений возможности найма были расширены для других социальных категорий владельцев. Однако в целом законодательные акты, издававшиеся правительством в предреформенные десятилетия в отношении частновладельческих промышленных предприятий, фиксировали, как правило, привычный, эмпирически установившийся характер отношений труда и капитала, юридически лишь закрепляя практику этих отношений.

В 1850–1860-х гг., в преддверии и ходе буржуазной трансформации экономики, в предпринимательских кругах и в среде русской технической интеллигенции, особенно среди представителей возникшего в 1866 г. Русского технического общества, чрезвычайно возрос интерес к практическим проблемам использования рабочей силы. Интерес этот вытекал прежде всего из производственных потребностей предпринимателей. Владельцы промышленных предприятий в сущности исходили из утилитарных требований повышения рабочей квалификации и профессионализма в узкотехническом их понимании. Поэтому, вероятно, не следует преувеличивать значение в предреформенный период «просветительской» работы буржуазии, связанной с организацией профессионального обучения рабочих на частновладельческих предприятиях и носившей патерналистские черты, как фактора социального прогресса.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на прямолинейную позицию в рабочем вопросе молодой российской промышленной буржуазии, не «связанной» в первой половине XIX в. регулирующим рабочим законодательством и действовавшей в русле традиционной для феодального периода политики прямого подавления рабочего движения. Этой линии, наметившейся еще в начале столетия, российская буржуазия твердо придерживалась на протяжении последующих десятилетий. Это отнюдь не противоречило ряду ее патерналистских актов по отношению к рабочему классу, вызванных жизненной необходимостью в обеспечении цикла воспроизводства капитала.

В западноевропейских странах к этому времени социальная напряженность рабочего вопроса в известной мере приглушалась законотворческой деятельностью буржуазии (имеются в виду прежде всего рабочие законы 1830–1840-х гг. в Англии и 1840–1850-х гг. во Франции).

Связь российской буржуазии с феодально-крепостнической системой через откупы, подряды, государственные заказы, т. е. заинтересованность в консервации отдельных феодальных институтов, ослабляла ее политическую активность, а следовательно, и роль в антифеодальной борьбе. Применение широкого арсенала средств подавления, порою скорее крепостнического, чем капиталистического характера, явилось логическим следствием особенностей генеалогии и эволюции русской буржуазии, ее известной экономической слабости, вызванной отчасти «болезнью» стремительного роста и политическим бессилием.

В результате вопрос о рабочем законодательстве в первой половине XIX в. оказался вплетенным в тугой клубок сложных и противоречивых социальных проблем, связанных со степенью подготовленности царизма к принятию реформ, идущих по пути буржуазных преобразований экономики, с характером его взаимоотношений с промышленниками, наконец, с политикой и правительства, и буржуазии по отношению к формирующемуся российскому пролетариату.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Китанина Т. М.* Рабочие Петербурга. 1800–1861. Л., 1991. С. 102–114.

² Договор между работодателем и социально зависимым, но вступившим в добровольное соглашение о найме рабочим содержал в себе начала, выводящие отношения заводчика и рабочего за границы феодальных отношений (*Китанина Т. М.* Рабочие Петербурга. С. 117).

³ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1989. С. 178.

⁴ *Тильк М. Г.* Городские ремесленники Эстонии во второй половине XIX века (на материалах Эстляндской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Таллин, 1988. С. 22–56.

⁵ *Тильк М. Г.* О положении ремесленных учеников во второй половине 19 века в Эстонии // Изв. АН ЭССР. 1989. С. 47.

⁶ ПСЗ-II. Т. 20. № 19262.

⁷ *Андреев Е.* Работа малолетних в России и Западной Европе. СПб., 1884. С. 12.

⁸ Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде. СПб., 1860. С. 128–129.

⁹ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 12. Л. 48–49 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Степанов В. Л.* Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998. С. 210–227.

¹² См.: *Маккей Дж.* Развитие экономики и региональное предпринимательство в последний период Российской империи // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992. С. 210–211.

А. А. Дорская

ИЗУЧЕНИЕ ВЕРОИСПОВЕДНОГО ВОПРОСА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.: НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА ЕГОРОВИЧА КРАСНОЖЕНА*

Правовое регулирование положения представителей неправославных исповеданий началось в Российской империи в XVIII в. Еще в петровское время закон провозгласил свободу вероисповеданий в России для иностранцев, старообрядцев (правда, при условии записи в двойной подушный оклад), было разрешено заключение браков между пленными шведами и православными русскими девушками. Однако именно в это время православная церковь окончательно была включена в состав государственной машины и стала неотъемлемой ее частью. И хотя каждый император и императрица после Петра I подтверждали свою приверженность идее свободы вероисповеданий, любое посягательство на положение православия жестоко наказывалось. Например, в 1738 г. в Петербурге были сожжены иудей Лейба Борухов и капитан-лейтенант Возницын за то, что первый обратил в свою веру второго. Именно в XVIII в. власти наравне с миссионерской деятельностью стали использовать регламентирование местных религий.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования (грант по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук (общественных, педагогических, экономических наук и информатики) Б-9/03).